

Вот восхваление женщин

Да славится бог, Несущий на знамени рыбу, беспредельно многообразная жизнь которого не может быть выражена словами, обративший навечно Шамбху, Сваямбху и Хари в домашних рабов их волооких супругов! Улыбкой и движением, стыдливостью и хитростью, гневными взорами и кокетливыми взглядами, сладкими речами, ревнивой ссорой или страстными объятиями – всеми этими выражениями любовного чувства нас связывают женщины. Искусные движения бровей, то хмурящиеся, то бросающие кокетливые взгляды очи, ласковые слова, застенчивые улыбки, игривая походка или речь с запинкой – все это и украшение женщины, и ее оружие.

С нахмуренными бровями и зардевшимися от стыда игриво улыбающимися и трепещущими от страха – озаряется округа лицами прелестных дев с быстрыми глазами, как будто все страны света засыпаны множеством синих лотосов. Лицо, сиянием посрамившее Месяц, очи, краса которых обрекла на осмеяние лотосы, кожа, цветом превосходящая блеск золота, иссиня-черные косы, желающие стать синее синей пчелы, груди, формы которых совершеннее слоновьего лба, пышные бедра, ласковая речь – вот истинные украшения юных красавиц.

Простодушная улыбка, очарование взоров – иногда доверчивых, иногда лукавых, поток слов, полный сладости фраз, напоенных лаской, движения, обещающие бурную любовную игру, – разве не мило все это, когда юность прикасается к газелеокой? Среди того, что стоит видеть, – что милее лица газелеокой, радостного от любви? А из того, что стоит обонять, – что слаще ее дыхания? А из того, что стоит слышать, – что превзойдет ее щебетание? Вкушать – что слаще сока ее нижней губы? А касаться – что приятнее ее тела? Превыше всего этого – думать вместе с друзьями о юной прелести ее и обо всех ее проказах. Чей дух не смутят юные девы взорами, кокетливыми, подобными трепетным взглядам глупеньких газелей, мерным постукиванием поножей и мелодичным позваниванием опояска и браслетов, повергающими в стыд клекот гусынь?

Кого не покорит прелестница, чье тело умощено шафраном, на чьих белых грудях колыхнется ожерелье, чьи лотооподобные стопы украшены поножами, позвякивание которых подобно клекоту гусей? Конечно же неправы лучшие из поэтов, постоянно твердящие о женщинах: «Вот слабый пол!» Как можно называть слабыми тех, кто ударами стремительных зрачков сражают даже Шакру и других богов?! Бог, у которого на знамени рыба, всего лишь послушный исполнитель велений прекраснотелой – на кого поведет она очами, на того обрушивается любовь.

Твои локоны смиренны, глаза прозрели шрути, достигнув самих ушей, во рту твоём сверкают от природы чисто-белые дваждырожденные, прекрасное убежище для жемчужин твои прелестные груди. Но, стройная, хоть и исполнено тело твоё покоя, оно возбуждает в нас страсть. Красавица! Сколь необычно твое умение пользоваться луком! Но поражаешь ты сердца не стрелами, а своими прелестями. Без моей газелеокой мраком окутан весь мир, даже если горит светильник, пылает огонь, светит луна, мерцают звезды, сверкают драгоценные камни. Полные тяжелые груди, сверкающие глаза, трепещущие лианы бровей, этот бутон нижней губы, полный страсти, – пусть тревожат меня! Но почему ж так разжигает желание угольничек волос, эти слова пожелания счастья, начертанные меж бедер богом, который вооружен луком из цветов?

Лицам, подобным лунному камню, аспидной чернью волос, драгоценными рубинами рук сверкает она, словно вся сложена из самоцветов. Полные тяжелые груди ее подобны Юпитеру, сверкает, словно Солнце, ее лик, подобный Луне, поступь ее плавна, подобно движению Сатурна, и вся она словно сонм прекрасных планет! Коль груди ее упруги, бедра прекрасны, прелестно лицо, что же ты, мое сердце, встревожено? Если жаждешь ты их, то твори добродетель – ведь без добродетельных дел не достигают желанных сокровищ! И благоухание расцветающей юности, и жгучие «порывы безудержной страсти, и залогов уплаты выкупа победившему Смаре, и надолго похищающие сердце неистощимые любовные уловки газелеоких – кто они не одолеют? Кого не прельстит сладостный, вдохновленный любовью, принесенный порывом страсти, изобилующий ласковыми словами, очаровательный в своей наивности, исполненный жажды близости,

прекрасный в своей естественности, проникнутый доверием, предвещающий торжество Смары шепот газелеоких в укромном месте?

Вот описание наслаждения

Стройная, бродит она, томясь, под сенью лесных деревьев и, приподняв с груди рукою покрывало, заслоняется от палящих лучей Месяца. Не видя любимой, мы жаждем ее видеть, увидев, единственно желаем счастья объятий, вот обняли ее, большеглазую, и надеемся, что не разделятся наши тела. Цветы жасмина в волосах, чуть приоткрытый рот, умащенное сандалом, что смешан с шафраном, тело, приятнейший хмель ее груди – во истинный рай! Все иное – лишь дополнение! Величайшее блаженство испытываешь с женой, когда она вначале твердит «Нет, нет!», затем понемногу, пока еще страсть не проснулась, но уже зародилось желание, со смущением она расслабляется и теряет упрямство, и наконец, изнемогая от страсти, становится омой во взаимных уловках любовной игры и ничему не противится.

Пьют счастливы мед нижней губы, когда на их груди лежит красавица с распущенными косами, полузакрытыми глазами, которые время от времени приоткрываются, со щеками, на которых поблескивают капли пота от жаркой страсти. Вот истинное осуществление любви – когда в объятиях любовных взаимно изведывают страсть и жаждущий ее удовлетворения, и полузакрывшая от наслаждения глаза. Недостойно мужей испытывать на склоне лет причиняемые Камой страдания, а прекраснотелым, когда их груди одрабли, высказывать живую страсть. о царь! Ведь никто в этом мире не преодолел океана желаний! Что за смысл в несметных сокровищах, если юность, сопряженная со страстью, покинула наше тело!

Пойдем-ка лучше домой, пока дряхлая старость, подкравшись, не разрушила вдруг красоту наших возлюбленных, чьи очи подобны синим лотосам! Обитель страсти, причина сотен тяжчайших адских мучений, зерно, из которого рождается обман, туча, окутывающая небо и скрывающая светоч знания, единственный друг Кандарпы, средоточие разнообразных грехов – нет в этом мире иного собрания не приносящих блага цветов, кроме юности! Кто тот счастливый, не изведавший любовных терзаний, когда наступает юность – эта туча, проливающая дождь на дерево любовной страсти, этот поток беспредельных любовных ухищрений, любимейший друг Прадьюмны, океан жемчужин ласково-медвяных речей, сосуд амриты Месяц, выпиваемый чакорами глаз стройных красавиц, сокровищница счастья и блаженства?!

Как могут люди с чистыми помыслами сохранять достоинство, если приходится им терпеть позор служения у дверей дворца недостойного царя, когда бы не лотооокие, сверкающие красой яркой луны, украшенные мелодично позванивающими украшениями и подвесками, стройные красавицы, чуть-чуть изгибающие стан от тяжести грудей?! Какой достойный человек не предпочел бы унижительному служению жизнь на омываемых Гангой склонах Хималая, усеянных пещерами сиддхов и покрытых деревьями, ветви которых обломаны плечами быка, чей всадник – Хара, когда бы не женщины с глазами испуганных юных газелей, орудие Омары?!

О мир земной! До твоего предела был бы не столь далек и труден путь, когда бы не было на нем пьянящих взорами красавиц. Приноси лесным газелям побеги бамбука, охапку срезанной под корень каменным ножом травы куша или же угощай красавиц листьями бетеля, бледными, как щеки шакских дев, листьями, срезанными острыми ногтями, которые окрашены шафраном. Лишены смысла все те греховные радости, утрачивающие усладу с их концом, и заслуживают презрения вместилище всех грехов, этот мир! И все же нет на земле большей добродетели, нежели забота о благе другого, и нет большей радости, чем лотооокая.

Отбросившие пристрастия, проникнувшие глубоко в суть дела, скажите окончательно, о мудрые, – что делать нам? То ли служить склонам гор, то ли крутым бедрам красавиц, вызывающих желания? Есть для мудрых две дороги в этом призрачном мире, изменчивом в проявлениях, – либо время отдать игре мысли, плавающей в волнах амриты познания сущности, либо предаться любовной игре тайными касаниями ладонью тугих бедер, грудей и ягодиц,

вызывающими наслаждение. Либо устрой свою обитель в Ганге, чьи волны уносят грехи, либо найди приют на груди юной девы, уносящей потоком желаний.

Что тут много говорить и болтать попусту? Лишь двум целям мужчине достойно служить – либо юности, изнемогающей под тяжестью груди красавицы, полной страстных желаний и буйства хмеля в пору цветения, либо лесу. Истинно и без пристрастий говорю я, люди, и истинно это в семи мирах: нет ничего сладостнее объятий широкобедрых и ничто другое не бывает единственной причиной несчастий.

Вот осуждение красавицы

«Прекрасна она!», «Она лотосоока!», «Как хороши и полны ее бедра!», «Высоки, красивы и туги ее груди!», «Подобно лотосу ее лицо!», «Прекрасны брови!» – так при виде красавицы опьяняется, радуется, восторгается, впадает в безмерное восхищение ученый, хотя перед его глазами лишь женщина недостойного происхождения. Воистину неодолима сила заблуждения! Вспомнишь ее – мучаешься, увидишь – усиливает она терзания, прикоснешься – теряешь рассудок. И после всего этого ее зовут сострадательной! Пока мы ее видим – она из амриты, когда же исчезает из виду, то становится хуже яда.

Нет ни амриты, ни яда, а только прекраонобедрая: страстно любящая, она – лиана, источающая амриту, не любящая – сочащаяся отравой повилика. Кто сотворил этот механизм – женщину: яд, напоенный амритой, ловушку для живущих, шкатулку, полную всевозможных обманов, врата адского града, неодолимое препятствие перед вратами неба, иоле, засеянное сотнями хитростей и уловок, скопище грехов, твердыню безрассудства, обитель своеволия, круговорот сомнений? По правде говоря, лицо ее вовсе не луна, глаза вовсе не пара синих лотосов, а тело вовсе не состоит из крупинки золота. Как же обмануты поэтами те, кому известна суть вещей, и все-таки, глупые, служат телу газелеокой, состоящему из кожи, мяса да костей!

Для игривых красавиц игривость обычна, а для сердца влюбленного – это признак любви. От природы красный цвет у лотоса, а глупая пчела кружит над ним, воображая, что покраснел он ради нее. Вот лотосоподобное лицо красавицы, сверкающее жемчужным блеском, прекрасное, в нижней губе ее обитает Мадху, – сейчас сочное, как зрелый плод, оно, когда пройдут годы, станет порождать несчастья, подобно яду. Вот река, прекрасная в формах, сверкающая лотосом лица, взлетающие пары чакравак подобны высоким и полным грудям, волны ее подобны трем складкам на животе, и хоть не кажется она угрожающе извивающейся, следует держаться от нее подальше, если не хочешь потонуть в океане сансары. Небрежно говорит с одним, смущающие взгляды бросает на другого, в душе мечтает о третьем – чье же имя в действительности мило женщине?

В устах женских мед, а в груди один лишь яд халахала – поэтому мы губы целуем, а грудь тискаем руками. Держись, о друг, подальше от кобры в облике женщины, чей взор пылает ядовитым-огнем кокетливых очей, свирепой по природе, несущей капюшон любовных ласк! Если обычная змея тебя укусит, то можно излечиться снадобьями, по того, кто уязвлен хитроумной женщиной, отказываются лечить даже знатоки мантр. Рыбак, на знамени которого нарисована рыба, забрасывает в море бытия уснащенную крючками снасть, называемую женщиной, и с помощью ее ловит на приманку мясистой нижней губы рыб, обреченных на смерть, а после жарит их на огне страсти.

Сердце мое, странник! Не странствуй в джунглях тела красавицы, поэтому трудно одолимому из-за гор-грудей лесу – в нем таится разбойник Смара! Пусть буду лучше я укушен змеей, блистающей кожей цвета синего лотоса, сверкающей, извивающейся, проворной, длинной, – но не очами красавицы! Укушенный змеей почти всюду найдет целителей, которые помогут ему. Мне же, сраженному молниеносным взглядом прелестноокой, ни мантра не поможет, ни лекарство. Слышу радостное ее пение, вижу красоту ее танца, обоняю ее благоухание, касаюсь ее груди, вкушаю сладость ее поцелуя – одурачили и обманули меня своекорыстные пять разбойников, чувства мои, похитившие у меня высшие цели.

Не поддается мантрам, не лечится снадобьями и не разрушится от сотен искупительных жертв помрачение, напускаемое Смарой, порождающее у тела корчи, а в уме затмение, при котором все колыхнется и кружится. Кому полюбятся продажные женщины, отдающие свое прелестное тело ради гроша слепцу, и безобразному, дряхлому, калеке, деревенщине, низкородному, прокаженному и срезающие лиану разума и разумения? Вот куртизанка – огонь страсти, разжигаемый по топливом – красотой, в который льются жертвами юные годы и богатства влюбленных. Разве порядочный человек станет целовать бутон нижней губы гетеры, как бы ни был он прелестен? Ведь это вместилище слюны лицедеев, прощелыг, слуг, воров, шпионов!

Вот паддхати об очарованных и о преодолевших чары

Счастливы мужи, чей дух не смущен видом тех, чьи взоры лукавы, у кого высокие и упругие груди, у кого на животе вьется лиана трех складок, и кто гордится своей юностью! Зачем, красотки, мечете вы томные взоры своих полуприкрытых от страсти глаз? Бросьте, бросьте, напрасны ваши усилия! Уже иные мы, юность миновала, помышляем ныне о подвижничестве в лесу обман разрушился, и мы смотрим теперь на этот мир, словно на никчемную травинку. Чего хочет эта чаровница, бросающая на меня, как и прежде, взор, похитивший красу у заросли синих лотосов? Исчез обман, пламя страсти, разожженное меткими стрелами шабары Смары, угасло. Что же эта негодница не останавливается?

Зачем, Кандарпа, тянешься ты, негодный, к луку, чтобы вновь зазвенела его тетива? Зачем ты, коял, напрасно оглашаешь округу своими нежными призывами? Красавицы, перестаньте бросать на меня кокетливые, игривые, сладостные, простодушные, шалящие, ласковые взоры – теперь пью я амриту размышлений у ног бога, чей лоб украшен Месяцем. Хоть и в разлуке, но вместе те, кто душою привязан друг к другу, – если же оба затаили в душе обиду, то хоть они и вместе, а все равно как в разлуке.

«Что же домой мне идти, коли нету ее в живых? А если жива любимейшая, то зачем идти мне домой?» – так думает путник, видя вереницы новых облаков, и не идет домой. Воздержитесь, мудрые, от общения с женщинами, от счастья быстротечного! Сделайте своими подругами сострадательность, дружбу, мудрость. Ведь не защитят вас в аду ни украшенная жемчужными ожерельями мандала полных грудей, ни бимба бедер, на которых возлежит позванивающий опоясок, украшенный драгоценностями. Шепот красавиц, мед их нижних губ, сладость их речей, прерывистое дыхание, страстное касание чаш их прекрасных грудей – что до всего этого счастливцу, который и мыслью, и душой погружен в йогу и благодаря этому излучает дружбу ко всему на свете?!

Когда невежеством я был поражен, рожденным от помрачения слепотой, что наслал Смара, тогда мне чудилось: «Вот женщина – в ней заключен весь мир!» Теперь же, кога мои глаза смазаны анджаной прозрения и выздоровели, я вижу, что все три мира пропитаны Брахманом. До той поры сияет счастливцам светоч безупречного знания, пока не загасит его бахрома ресниц, прикрывающих кокетливые очи красавиц. Отречение от мира – всего лишь намерение, звучащее в речах пандитов, чьи уста полны шрути. Разве способен кто отвергнуть бедра лотосооких, украшенные опояском, на котором позванивают колокольцы и в который вкраплены драгоценные камни?

Тот, кто осуждает юную женщину, себя обманывает и других: ведь плод подвижничества – небо, а на небе живут апсары. Есть в мире доблестные мужи, способные рассечь лоб слону, буйному во время течки, есть способные сразить разъяренного льва, но я решительно утверждаю перед сильнейшими: вряд ли есть мужи, способные одолеть гордыню Кандарпы. До той поры способен муж идти по праведному пути, стыдом сдерживать чувства, блюсти приличия, пока не вонзятся в его сердце неотразимые стрелы взоров, оперенные ресницами, выпущенные из оттянутого до ушей лука бровей. Когда женщины начинают действовать в пылу безумной страсти, то даже сам Брахма не смеет препятствовать им.

Благородство, ученость, высокое происхождение, рассудительность действительны до той поры, пока не запылает тело в проклятом огне Пятистрелого. Пусть он умудрен в шастрах, и добродетелен, и просветлен душой; в этом мире редки люди, способные идти путем добродетели. Ключ, которым отворяются врата адского града, – лукавоокая, хитроумная, лианобровая. Тощий, одноглазый, хромой, с разодранными ушами, с откушенным хвостом, покрытый язвами, сочащимися гноем, с телом, усеянным сотнями гнезд паразитов, изголодавшийся, дряхлый, с горлышком кувшина, висящим на шее, пес еле жив, но стоит ему приметить суку, как он во всю прыть мчится за ней.

Мадана поражает и издыхающего! Женщина, эта победоносная печать Цветочнолукого, довлеет всему! Глупцы, забывающие о ней, слабоумны, гоняются за ложными целями, бесповоротно обречены на то, чтобы жить лохматыми капаликами, или нагими, или обритыми, или шиваитами. Если мудрецы, начиная с Вишвамитры, Парашары и подобных им, питавшиеся воздухом, водой и травой, при виде прелестного лотоса женского лица становились жертвами обмана, то как же могут мужи, питающиеся рисом, маслом и кислым молоком, сдерживать свои чувства? Если такое случится, то горы Виндхья поплывут по океану.

Вот описание времен года

Благоуханием напоены ветры, усеяны ветви юными побегами, слышны стоны самок коялов, страстно жаждущих встречи с любимыми, луноподобные лица жен покрыты каплями пота от страстных объятий – кто не расцветает, когда наступает весна? Весна приходит, и сладостно томительные крики коялов и благоуханные ветры с гор Малая причиняют муки тем, кто разлучен с любимой, – в несчастье даже амрита становится ядом. Сколько радости несут в месяц чайтра венки из разных цветов, нежные руки, подобные лучам луны, беседа с прекрасными поэтами, веселая, увитая лианами беседка, усаждающие слух мелодичные призывы подруги кояла, ласки и лобзания с любимой!

Бутоны маканды пламенеют, словно жертва в огне разлуки странника с супругой, со страстью смотрят на странника самки кояла, веют ветры, приносящие благоухание сандала, уносящие аромат расцветшей паталы, утоляющие усталость. До той поры несокрушим дух красавиц, пока не повеют с гор Малая ветры, напоенные ароматом сандала. В ком не бушует страсть, когда весною пчелы опьянены медом и повсюду разносится полный сладости аромат цветов и тычинок сахакары?! Когда наступает гришма, то газелеокие, с кожей, влажной от умашений сандалом, цветы, политые водой покои, свет луны, приятный ветерок, чистый барсати разжигают любовную страсть.

Венки, радующие сердце благоуханием, веяние опахала, лучи луны, цветочная пыльца, пруд, сандаловые умашения, прекрасное вино, чисто вымытый барсати, легкая одежда, лотосоокая – вот что достается счастливым во время гришмы. Сверкающий чистотой дом, ярко сияющий месяц, лотос лица возлюбленной, благоухание сандала, радующие сердце вейки – все это сводит с ума того, кто готов отдаться страсти, но не того, кто отказался от соприкосновения с миром. Кому не приносит радости шишира с ее высокоплывущими плотными облаками, сулящими дожди, с ароматом распустившихся цветов джати, обратившаяся в полногрудую красавицу, которая разжигает страсть?! И счастливые в любви, и несчастные испытывают томление, когда в лесах слышатся приятные крики павлиньих стай, веют ветры, напоенные благоуханием расцветших кутаджи и кадамбы, земля покрывается юной травой, а небо закрыто облаками.

Над головой нависли мрачные тучи, повсюду в горах пляшут павлины, поблекла земля от осыпавшихся цветов – на что бросить страннику свой взгляд, чтобы успокоиться? Здесь сверкают вереницы молний, там кетак струит благоухание, вдруг туча разражается громом, слышится любовное воркование павлиньих самок – как ресницеобразным переносить эти дни разлуки, наполненные страстью?! Когда тьма такая, что ни зги не видно, когда льет ливень из горделиво грохочущих туч, когда сверкает ласково-золотистая молния – и боль, и радость охватывают своевольных прекраснооких, спешащих к возлюбленным.

Из-за жестоких линий красавицы не могут уйти из домов своих возлюбленных, от знобящего холода еще крепче объятия с большеглазой, ветры, несущие студёные дожди и туманы, развеют усталость от любовных забав – так для счастливых, когда они с любимыми, даже скверные дни хеманты обращаются в хорошие. Во время шарады, когда минует половина ночи, проведенная в бурных вспышках могучей страсти, от упоения сладостью в уединении барсати пробуждается жажда – тот, кто не пьет из лианоподобной прохладной руки, изнемогшей от наслаждений возлюбленной воду, в которой дробится свет луны, право, слабоумен.

Во время хеманты счастливы, отведав простокваши, молока, масла, одетые в цветные одежды, с телами, умащенными шафраном из Кашмира, уставшие от любовных забав в объятиях полногрудых красавиц, со ртами, полными бетелевой жвачки, вкушают наслаждение. Когда пчелы упиваются нектаром раскрывшихся цветов кунда, напоминающих зрелые плоды приянгу, в доме около большого дерева мандара, вздрагивающего под холодным ветром, если хоть на мгновение не обнимет газелеокая, способная разжечь огонь страсти, то ночь будет тянуться бесконечно долго, словно бесконечно длинный дворец Ямы.

Во время хеманты дуют холодные ветры, наглые, точно виты, целуют щеки, со свистом разметывают по лицу волосы, срывают с груди покрывало, заставляют подниматься от страха волоски на грудях, обжигают холодом бедра, сдирая юбку с широких ягодиц. Растрепывает волосы, заставляет, словно в пылу страсти, прищуривать глаза, срывает насильно одежду, вынуждает волоски на теле подниматься, делает поступь неровной, снова и снова заставляет издавать глубокие вздохи, целует, пронизывая поцелуями до зубов, – так ветер хеманты пытается изобразить для каждой женщины супруга.

Вот закончена «Шрингарашатака».

Перевод с санскрита: И. Д. Серебрякова

Издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы, Москва 1979